

— Что такое 70 лет? — хитро улыбаясь, спрашивает меня Ливанов. И сам же отвечает. — По веселой формулировке моего отца, 70 лет — это 35 с фасада и 35 с тыла. Вот видите, я на время юбилея отпустил бороду седую, чтобы соответствовать столь почтенному возрасту. Честно говоря, не очень понимаю, что такое 70 лет.

Этот год для Василия Ливанова — супер-юбилейный. Посудите сами: во-первых, 70 лет самому, 50 — творческой деятельности, 40 лет назад впервые опубликовался, 25 — его знаменитому Шерлоку Холмсу.

Есть повод порадоваться, а он грустит об упущенном:

— Цыгана в "Трудном счастье" не сыграл, потому что худсовет посчитал, что не может быть цыган с голубыми глазами. Мой Нехлюдов в "Воскресенье" для Швейцера оказался слишком молод. Были очень серьезные пробы на Ихтиандра в "Человеке-амфибии". Но девочку играла Вертинская, а у меня, как мне сказали, были уже глаза мужа. И Долохова, конечно, я очень хотел играть. Но там сменился весь состав фильма, а я был в том, где Андрон Кончаловский — Безухов, а Стриженов — Болконский... Ну не сложилось — так не сложилось. Но я могу сказать: "Зато!.."

Дон Кихот и Дульсинея

— Дон Кихот просыпается в вас иногда?

— В каждом из нас время от времени просыпается Дон Кихот. Но максимализм — скорее свойство молодости. Я, например, вообще не принимал замечаний. Никаких. Протестовал страшно, считал, что конфронтация — лучший способ уберечь свою независимость. А потом понял, что это просто молодая глупость — больше ничего.

— О Дульсинее. Вернее, о Дульсинеях. Можете вспомнить: сколько раз в жизни признавались в любви?

— Ну, точного числа я вам назвать не смогу — врать не стану. Но на моем жизненном пути больше встречались женщины, которые вызывали у меня страсть. А это, знаете, другое. Иногда кажется, что любишь, а на самом деле к любви это не имеет никакого отношения.

— Значит, в женщинах вы быстро разочаровывались?

— Нет. Страсть — это жажда, которую нужно утолить. Вот вы, например, страшно хотите пить. Выпили воды, пива, вина, я не знаю, что вы там выпили. Разве после этого у вас наступает разочарование в вине, в воде, в пиве? Просто — хватит, и все. Напился.

— Самый безумный поступок ради любимой женщины?

— Первая женитьба. Да потому что никогда не нужно возвращать вчерашний день. Мне было 17, еще школьник, она — старше, студентка. Она была дочкой академика, а я — шпана московская. Ходил в сапогах, в кепке такой специальной, которую можно было купить на Перовском рынке. Барышня и хулиган, одним словом. Когда я приходил в университет встречать ее, девочки у гардероба быстро хватали свои сумки. А ей вот нравилось с таким парнем гулять. Но вскоре она вышла замуж, родила двоих детей. А через несколько лет, когда я стал известным артистом, ей вдруг показалось, что всю жизнь она любила только меня. И с детьми пришла ко мне.

— И вы ее так просто приняли?

— Когда она вышла замуж, переживал, конечно, страшно. Но да, принял. Потому что испытать из этой чашки я все равно хотел. Не надо было это делать. У нас не совпадало представление о жизни. Она абсолютно не творческий человек: многие вещи во мне не понимала и не принимала. Она не была мне другом.

— Василий Борисович, а более приятные воспоминания? Наверняка же лазали по простыням в окна к барышням, прыгали в реку с моста. Разве не слышали: "Любишь — докажи"?

— Такие дуры тоже встречались. Когда чувствовал, что с меня требуются специальные доказательства любви, сразу разочаровывался. Интерес к такой женщине пропал моментально.

— Дон Кихот — еще и посмешище. В чужих глазах, разумеется. Часто попадали в дурацкие ситуации?

— Нет, я в жизни не клоунствовал. Не надо допускать такого. Знаете, для чего анекдоты существуют? Для того чтобы людей предупредить: не попадайте в дурацкие положения. Ну единственное — я иногда позволял себе невольные бестактности. Потому что никогда не знал: кто на ком женат, у кого с кем роман, и так далее. И влетал в idiotические ситуации. Но это все от неосведомленности.

Бenedиктус с чекушкой

— По рассказам, Benedиктус очень похож на молодого Ливанова.

— Похоже. Как сказал Гена Шпаликов о нашем поколении: "Мы все ушиблены Хемингуэем". А там: ну какой ты мужчина без драки и выпивки?

— Пить или не пить — такой вопрос не стоял?

— Я очень сильно пил, когда меня оставила моя первая любовь. Тогда на улице в окошко подавали сто грамм и бутерброд. Причем к выпивке обязательно закуска прилагалась — нельзя было взять сто грамм без бутерброда. В ту пору даже анекдот такой ходил: "Мужик завязал пить, весь такой мрачный приходит домой. Ему жена говорит: "Ну ладно уж, я вот купила чекушку, за обедом выпей". Налила ему. Он сидит, суп хлебает. "Ты чего не пьешь?" — спрашивает жена. "Знаешь что: давай я выйду на балкон, а ты мне в форточку нальешь!"

— И сколько раз вам нужно было подойти к окошку, чтобы забиться?

— Тогда я не считал. Ну сколько нужно? Бутылку. Значит, пять раз.

— По пьяному делу на подвиги тянуло?

— Да. Позволял себе такое, что не надо было делать. Бывали ссоры с людьми незапрограммированные. Причем я очень горько ка-

С женой Еленой.

— Во мне живут 14 людей. Утром просыпаюсь, и первая моя забота — орву эту привести к порядку. Чтобы они не растащили меня в разные стороны... Актеры любят повторять, что в той или иной роли они оставляют частичку себя. Ливанов, которому на днях исполнится 70, такое впечатление, сам набрался от своих героев дай бог. Он и в меру улитанный, и в меру воспитанный Карлсон, который не только обожает безобразия, но и друг, каких поискать. Он и Дон Кихот — благородный рыцарь без страха и упрека, ради женщин, правда, не всегда готовый на подвиг. Он и Железный Феликс вкупе с Николаем Первым — твердый в принципах и не прощающий предательства. Он и вечно молодой, вечно пьяный Benedиктус из "Ярославны — королевы Франции". Ну и, разумеется, Ливанов — это Шерлок Холмс. Со всеми вытекающими...

Карлсон, который живет на Тверской

— Если друг оказался вдруг. Ваши действия?

— Самый главный по жизни мой друг — это Геннадий Гладков. Мы дружим, страшно сказать, 61 год! Со второго класса школы. Помню, решался важный вопрос: жениться ему или не жениться. Было лето, мы бродили ночью по Тверской, свернули в переулок — он жил на улице Москвина, — вдруг видим: во дворе четыре парня метелят одного. Он, бедный, стоит, прижавшись к стене, а те на него наскикивают. Отбивается — снова наскикивают. Ну что: мы с Геной с нелитературным текстом бросились на помощь. Хулиганы довольно быстро бежали. А с тем парнем мы познакомились. Впоследствии он оказался еще одним моим другом, писателем Юлианом Семеновым.

— Карлсон мог перешутить кого угодно. Даже вас?

— Я вообще люблю смеяться. Розыгрышей было всяких немерено. Андрея Миронова как-то раз вызвал на "Мосфильм" в воскресенье 1 апреля. Очень рано, в 8 часов утра. Попросил свою жену позвонить ему от имени помощника режиссера и сказать, что срочно нужна досьемка. Через какое-то время звоню сам. "Андрей, слушай, тебе звонила сейчас наш ассистент?" "Безобразие, — орет он в трубку, — в выходной день, вообще не преду-

предили, что такое!.. "Сейчас приедем, — я его поддержал, — и выдадим им как следует". Прошло минут десять, перезваниваю снова. Подходит уже Александр Семенович Менакер, отец его: "А Андрюша умчался на съемки". "Он что, — говорю, — не сообразил: сегодня же 1 апреля". — "Да потому что Андрюша идиот, я его не стал останавливать!" А этот Андрюша на "Мосфильме" уже выламывал двери, поставил на уши всю охрану...

Он мне зверски отомстил. В перерыве одной из ночных смен идем по коридору. В буфет. Андрей мне так, незначай: "Хочешь шоколадку?" — и протягивает шоколадную медальку. Не глядя, бросаю ее в рот, жую... И вдруг понимаю, что не могу пошевелить челюстью — зубы слиплись. Оказалось, это была сургучная печать.

— "Люблю безобразия!" Это ведь и про вас?

— Это я тоже люблю. Но расскажу только о школьном безобразии. Мы начали учиться во время войны, и далеко не всегда в школе топили. Зимой в классе сидели в пальто, в шапках, в валенках. И у меня был вот такой коронный номер. Когда вызывали отвечать, внутри валенок я медленно становился на цыпочки. У доски вырастая на глазах потрясенного учителя чуть ли не на 10 сантиметров. А класс — ну просто помирал со смеху.

Самый лучший в мире крокодил

— Помните старуху Шапокляк, которая всем каверзы строила? В вашей жизни была такая?

— Ну не в моей жизни, но в общем-то да — Швыдкой.

— А он тут при чем?

— Да он разрушает русскую культуру...

— Так он уже даже не министр.

— Формально да. А фактически-то все механизмы у него в руках, потому что сидит на деньгах. И разрушает все, что веками накоплено. Ставит такие вопросы: Пушкин не нужен, русский фашизм страшнее немецкого. Он

уничтожает память. Культурную память народа.

— Давайте поконкретнее: что он разрушил?

— Ну, например, сделал эту чудовищную оперу в Большом театре — "Дети Розенталя". Он ведет чудовищную передачу, которая называется "Культурная революция". А на что была направлена Культурная революция в Китае? На уничтожение традиционных культурных ценностей. Там просто убивали людей. Швыдкой этим же и занимается. Он убил Светланова, великого дирижера, который, умирая, замечательно написал: чтобы ни одного чиновника не было у его гроба. Швыдкой выгнал из Большого театра Владимира Васильева и Екатерину Максимова. Он сказал, что для него образцом творчества является группа "Тату"...

— Ну что вы, господин Швыдкой — просто веселый человек.

— Он не веселый человек, он — разрушитель. Могу сказать только одно: в бытность Швыдкого студентом ГИТИСа один из педагогов дал ему замечательную характеристику. Он сказал: "Здравствуйте", — соврал Швыдкой". Вся дальнейшая деятельность этого господина — тому бесконечное подтверждение.

— Недавно Швыдкой подал в суд на министра культуры Соколова за публичное оскорбления. Не боитесь, что после таких слов он подаст в суд и на вас?

— Не подаст. Не за что подавать. Вот он висит на крючке. За оскорбление достоинства народа.

От Железного Феликса и слышу

— Знаете, не так давно Михаил Козаков написал, что его вербовал КГБ?..

— О-о! Слушайте, это такая чушь. Я, во-первых, Мишке не верю. Ну кому он нужен? Какому КГБ? Это же серьезное учреждение, а Миша — несерьезный человек.

— А вас КГБ никогда не пытался склонить к "сожительству"?

— А зачем? Когда я люблю свою страну и готов умереть за нее? Завербовать можно человека, у которого туман в голове. Знаю, что некоторых моих друзей пытались привлечь, так сказать, к работе. У одного известного человека был роман на стороне. С очень популярной актрисой. И ему сказали: не согласишься, все сообщим жене. Другой популярной актрисе. Но тот лихо выкрутился, ответил: "Ребятя, я вам буду так благодарен. Сам не знаю, как ей сказать". И от него быстренько отстали.

— Но все же были под колпаком. Когда ездили за границу, неужели не чувствовали тепло дыхание человека в штатском?

— Не знаю, у меня всегда с такими людьми завязывались хорошие отношения. Ну и что: таково было устройство, такие правила игры. И надо было спокойно к этому относиться. Без всяких там: "Ух! Ах! Нарушают мои свободы!" Какие там свободы, к едрене матери? Свобода — это внутреннее чувство. Если в душе ты свободен, кто может ее нарушить?

— Извиняюсь заранее, сами анонимки ни на кого не писали?

— Вы с ума сошли? Я сын своего отца. Я из казаков — какие анонимки? Мы же все беспартийные: дед мой, отец, я. Когда Сталин на приеме спросил моего отца, почему он не в партии, тот без малейшей паузы ответил: "Иосиф Виссарионович, я очень люблю свои недостатки". И Сталин расхохотался.

— Не было случая, когда вас могли посадить в тюрьму?

— Господь уберег. В детстве ведь случались драки страшные, массовые, до поножовщины доходило. Вот: как-то полоснули. (Ливанов закатывает рукав, показывает оставшийся на всю жизнь шрам.) Еще был у меня случай ужасный. Старшие ребята, за то, что я отказывался из своего дома что-то украсть, попросили моих ровесников избить меня. Зверски избили. Один даже бил и плакал. Мне сильно изуродовали лицо, выбили зуб и сбросили в люк нашей котельной. Полдня там отлеживался. Но через какое-то время каждого из обидчиков я наказал — всем морду разбил. Кроме того, кто плакал.

Император пленительного счастья

— Вы не хотели стать большим начальником?

— Никогда. Власть для меня никогда не была привлекательной — здесь во мне Дон Кихот совершенно умер. У меня есть другая власть над людьми — власть художника. Я иду по улице, со мной здороваются абсолютно незнакомые люди. Если нарушаю правила, меня отпускает милиция. Значит, тем, что делаю, я приношу людям добро. Вот это и есть власть. Власть души.

— Восстание декабристов Николай воспринял как личное предательство. Вас часто предавали?

— Только один раз, но по-крупному: года три назад один из моих близких друзей меня предал. Во имя личных интересов поступил общими стремлениями. Во имя награды какой-то, на которую он очень рассчитывал. Мы с Гладковым предложили ему общее дело. А он повел себя неожиданно — отказался от участия, все поставил на карту: дружбу, преданность. Во имя ежесекунтного успеха.

— Казнить, нельзя помиловать? — Предательство я не прощаю.

Элементарно, Холмс

— Вы можете назвать себя гением?

— Сблaзн большой. Но не надо поддаваться. Потому что когда решишь, что гений, больше ничего уже сделать не сможешь.

— Но посещали мысли такие?

— Когда-то меня пригласили в Щукинское училище провести мастер-класс. Помню, тогда я спросил у ребят: "Кто из вас в самые трудные минуты своей жизни думает, что он гений?" Из тридцати четверо подняли руки. Одна девочка и три парня. Я сказал: "Вот из вас выйдет толк". В трудные минуты такие мысли должны помогать, а не мешать: я справлюсь, я сделаю, найду в себе силы.

— Железный порядок или безалаберность?

— Безалаберность? Я бы не сказал. Времени я буюсь с ленью. Завтра, завтра, не сегодня — вот это мне свойственно. Но то, что у меня дикое безобразие на рабочем столе, чудовищное — это точно. В этом кошмаре я знаю, где что у меня лежит. И я в совершенный ужас прихожу, когда жена пытается навести у меня порядок.

— Чем еще актер Ливанов отличается от мистера Холмса?

— Расскажу вам такую байку. Помню, однажды выступал в очень серьезном правоохранительном учреждении, в клубе КГБ. Зал был полон золотых погон. И мне задали такой вопрос: "Скажите, пожалуйста, вы семь лет снимались в образе Шерлока Холмса. Могли бы сейчас раскрыть уголовное дело?" Я сказал: "Дорогие товарищи, Игорь Кваша сыграл Карла Маркса. Я не думаю, что он пишет продолжение "Капитала". Я ответил на ваш вопрос?

— Но на кого из перечисленных выше героев вы больше всего похожи?

— Спросите у тех 14 парней. Они вам объяснят.

Дмитрий МЕЛЬМАН.